

Как пали сильные на брани!
Сражен Ионафан на высотах твоих.
*Плач Давида**

* 2 Цар 1:25.

Глава первая

Двадцать третье декабря

Днем и ранним вечером 23 декабря случилось три события, внешне не связанных между собой и отдаленных одно от другого на три тысячи миль. Первым событием был телефонный звонок по закрытому каналу от президента Соединенных Штатов премьер-министру Канады; разговор продолжался почти час и был мрачным. Вторым событием был прием в оттавской резиденции генерал-губернатора ее величества; третьим — стало прибытие корабля в Ванкувер на Западном побережье Канады.

Сначала прозвучал телефонный звонок. Он исходил из кабинета президента в Белом доме и был принят премьер-министром в его кабинете в Восточном блоке на Парламентской горе.

Следующим событием стало прибытие корабля. Это было моторизованное судно «Вастервик» грузоподъемностью десять тысяч тонн, зарегистрированное в Либерии, с капитаном-норвежцем Сигурдом Яабеком. Оно пришвартовалось у пирса Ла-Пуэнт, на южном берегу гавани Бура, обращенном к городу, в три часа.

А часом позже в Оттаве, где из-за трехчасовой разницы во времени был уже вечер, гости начали прибывать на ранний прием к Дому Правительства. Это был небольшой ежегодный предрождественский прием, который их превосходительства давали членам кабинета министров и их женам.

Только двое из гостей — премьер-министр и его секретарь по внешним сношениям — знали о звонке американско-

го президента. А о судне «Вастервик» никто из гостей в жизни не слышал, да едва ли и услышит.

Однако же эти три события должны были бесповоротно и неразрешимо переплестись, подобно тому как орбиты планет и их туманностей странным и таинственным образом пересекаются, создавая на миг яркую вспышку.

Глава вторая

Премьер-министр

1

Ночь в Оттаве была холодная, затянутое облаками небо обещало еще до наступления утра снегопад. Столицу государства — по мнению экспертов — ожидало белое Рождество.

На заднем сиденье черного «олдсмобила» с шофером Маргарет Хоуден, супруга премьер-министра Канады, дотронулась до руки мужа.

— Джейми, — сказала она, — у тебя усталый вид.

Достопочтенный Джеймс Макколлум Хоуден, член Тайного совета, королевский адвокат и член парламента, сидел, закрыв глаза и наслаждаясь теплом машины. Теперь он их открыл.

— Да нет. — Он не любил когда бы то ни было признаваться в своей усталости. — Просто немножко расслабляюсь. Последние сорок восемь часов... — И умолк, взглянув на широкую спину шофера. Стекло между ними было поднято, но все равно лучше соблюдать осторожность.

Свет с улицы упал на стекло, и премьер-министр увидел в нем свое отражение: тяжелое, похожее на стервятника лицо, нос как у орла и выступающий вперед подбородок.

Жена, сидевшая рядом, заметила:

— Да перестань же смотреть на себя, а то у тебя разовьет... как же это называется?

— Нарциссизм. — Муж улыбнулся, тяжелые веки сморщились. — Но я страдаю этим уже много лет. В политике это — профессиональная норма.

Они помолчали, потом снова разговор принял серьезный оборот.

— Что-то случилось, да? — тихо спросила Маргарет. — Что-то очень важное.

Она повернулась к нему с взволнованным лицом, и он, несмотря на свою озабоченность, не мог не отметить, какие у нее классически правильные черты лица. Маргарет по-прежнему прелестна, подумал он, и когда они вместе входят в комнату, головы всегда поворачиваются.

— Да, — признался он. На секунду ему захотелось поделиться с Маргарет, рассказать ей все, что так быстро произошло, начиная с тайного телефонного звонка из Белого дома, раздавшегося два дня назад, и второго звонка сегодня днем. Но потом он решил: сейчас не время.

Сидевшая рядом с ним Маргарет заметила:

— В последнее время столько всего произошло, а мы были наедине всего несколько минут.

— Знаю. — Он протянул руку и сжал ее пальцы.

И словно этот жест дал вырваться словам, которые дотеле старательно сдерживались.

— Да стоит ли это всего? Неужели ты еще недостаточно сделал? — Маргарет быстро произнесла это, понимая, что путешествие вскоре окончится, поскольку от их дома до резиденции генерал-губернатора всего несколько минут езды. Через минуту или две это мгновение тепла и близости уже исчезнет. — Мы с тобой женаты, Джейми, сорок два года, и большую часть времени я имела лишь частицу тебя. А ведь не так долго осталось нам жить.

— Тебе нелегко было, да? — Он произнес это спокойно, искренне. Слова Маргарет тронули его.

— Нет, не всегда. — Тут прозвучала нотка неуверенности. Это была сложная тема, они говорили о таких вещах редко.

— У нас будет время, обещаю тебе. Если ничто другое... — И он умолк, вспомнив то непредсказуемое относительно своего будущего, что принесли последние два дня.

— Что — другое?

— Появилась еще одна проблема. Пожалуй, самая большая, какая передо мной когда-либо стояла.

Она сняла руку с его руки.

— Почему именно ты должен ее решать?

Он не мог дать на это ответ даже Маргарет, знавшей столь многие его мысли; он никогда не мог произнести вслух это свое внутреннее убеждение: «Потому что никто другой не может этого сделать, кроме меня; нужен человек моего положения, моего интеллекта и предвидения для принятия серьезных решений, необходимость в которых скоро возникнет».

— Почему ты? — снова спросила Маргарет.

А они уже въехали на территорию Дома Правительства. Шины захрустели по гравии. Их окружал темный парк.

Премьер-министра на миг охватило острое чувство вины перед Маргарет. Она всегда была лояльна и терпеливо воспринимала его жизнь политика, хотя никогда и не любила ее так, как он. Но он уже давно почувствовал, как она надеется, что настанет день, когда он расстанется с политикой и они снова сблизятся, как в первые годы супружества.

В то же время он был хорошим мужем. Никакой другой женщины в его жизни не было... если не считать одного случая несколько лет назад: роман длился почти год, пока он решительно не покончил с этим, опасаясь, как бы не пострадал его брак. Но порой у него возникало чувство вины... и он нервничал, боясь, что Маргарет может узнать правду.

— Мы поговорим вечером, — сказал он примирительным тоном. — Когда вернемся.

Машина остановилась, и боковая дверца открылась. Конный полицейский в малиновой парадной форме лихо отсалютовал, когда премьер-министр и его супруга вышли из машины. Джеймс Хоуден улыбнулся, пожал руку полицейскому и представил его Маргарет. Хоуден проделывал этот церемониал всегда вежливо и без снисхождения. В то же время он прекрасно понимал, что всадник станет потом рассказывать об этом — удивительно, как простой жест подобного рода порождает расходящиеся круги.

Когда они вошли в Дом Правительства, перед ними появился молодой лейтенант Королевского канадского флота. Парадная форма, обшитая золотым позументом, была ему явно тесна — по всей вероятности, подумал Хоуден, это следствие слишком долгого сидения за письменным столом в Оттаве и слишком малого пребывания на море. Офицерам теперь приходилось ждать своей очереди побывать на море, так как флот стал чисто символической силой, в известной мере чем-то смехотворным, но дорогим для налогоплательщиков.

Их провели из высокого вестибюля с колоннами вверх по дорожному красному ковру, украшавшему мраморную лестницу, а затем по широкому, увешанному гобеленами коридору в Длинную гостиную, где обычно проходили малые приемы — такие как сегодня. Большая, вытянутая в длину, похожая на коробку для туфель комната с высоким потолком, выложенным балками, напоминала гостиничный вестибюль, только более уютный. Однако призывно сгруппированные кресла и диванчики, обтянутые материей светло-бирюзовых и желтых тонов, пока были пусты, а шестьдесят с чем-то гостей стояли и непринужденно беседовали. Высоко над их головами висел портрет королевы во весь рост, которая смотрела без улыбки на золотые парчовые занавески, закрывавшие сейчас окна. А в дальнем конце комнаты мелькали, вспыхивая и угасая, огоньки на рождественской елке. Гул разговоров заметно поутих, когда премьер-министр и его жена Маргарет Хоуден — в бальном платье из светло-сиреневого кружева, с оголенными плечами — вошли в зал.

Лейтенант военно-морских сил провел их прямо к тому месту у пылающего огня, где генерал-губернатор принимал своих гостей. Помощник объявил:

— Премьер-министр и миссис Хоуден.

Его превосходительство достопочтенный маршал авиации Шелдон Гриффитс, генерал-губернатор ее величества в доминионе Канада, протянул руку.

— Добрый вечер, премьер-министр. — Затем, любезно наклонив голову, произнес: — Маргарет.

Маргарет Хоуден умело присела в реверансе и улыбнулась Натали Гриффитс, стоявшей рядом с мужем.

— Добрый вечер, ваше превосходительство, — сказал Джеймс Хоуден. — Вы выглядите чрезвычайно хорошо.

Генерал-губернатор, седовласый, с красным лицом и военной выправкой, все еще державшийся очень прямо, несмотря на годы, был в безупречном вечернем костюме с внушительным рядом медалей и орденов. Он нагнулся с видом заговорщика.

— У меня такое чувство, будто этот мой чертов хвост сейчас загорится. — И указал на камин. — Вот теперь, когда вы приехали, давайте отойдем от этого ада.

И все четверо не спеша пошли по комнате — генерал-губернатор держался любезно и дружелюбно, как и положено хозяину.

— Я видел ваш новый портрет работы Карша, — сказал он Мелиссе Тейн, изящной и грациозной жене доктора Бордена Тейна, министра здравоохранения и благосостояния нации. — Очень красивый портрет — почти такой же красивый, как вы сама.

Ее супруг, находившийся рядом, покраснел от удовольствия. А стоявшая рядом с ними Дэйзи Каустон, полная матрона, не очень заботившаяся о своей внешности, брякнула:

— Я пыталась, ваше превосходительство, убедить мужа позировать для Карша, по крайней мере пока у него еще есть волосы.

Стоявший рядом с ней Стюарт Каустон, министр финансов, которого друзья и противники звали Улыбчивым Стю, добродушно осклабился.

Генерал-губернатор окинул взглядом быстро лысеющую голову Каустона.

— Лучше прислушайтесь к совету жены, старина. Я бы сказал, у вас осталось не так уж много времени. — Он произнес это безобидным тоном, и раздался взрыв смеха, в котором министр финансов принял участие.

Группа, окружавшая генерал-губернатора, пошла дальше, а Джеймс Хоуден повернул назад. Поймав взгляд Артура Лек-

сингтона, министра по внешним сношениям, который стоял со своей женой Сьюзен на расстоянии нескольких групп от него, Хоуден еле заметно кивнул. Лексингтон извинился и направился к Хоудену — этакий коротконогий херувимчик пятидесяти с лишним лет, чья манера держаться легко и беззаботно скрывала один из самых острых умов в международной политике.

— Добрый вечер, господин премьер-министр, — сказал Артур Лексингтон. И, не меняя выражения лица, понизив голос, произнес: — Все под контролем.

— Вы разговаривали с Энгри? — сухо спросил Хоуден. Его превосходительство Филипп Б. Энгроув, которого друзья звали Энгри, был послом США в Канаде.

Лексингтон кивнул.

— Ваша встреча с президентом назначена на второе января, — тихо произнес он. — Конечно, в Вашингтоне. Так что у нас есть десять дней.

— Они нам все понадобятся.

— Я знаю.

— Вы обсудили процедуру?

— Не в деталях. Вам будет устроен банкет в первый день — пустая болтовня, как всегда, — затем на другой день встреча, где нас будет всего четверо. Я полагаю, вот тогда-то мы и займемся делом.

— А как насчет сообщения?

Лексингтон упреждающе мотнул головой, и премьер-министр посмотрел в этом направлении. К ним подходил слуга, неся поднос с напитками. Среди них был один-единственный бокал с виноградным соком, который Джеймс Хоуден — трезвенник, как все знали, — предпочитал. И он взял бокал.

Слуга отошел от них, и Лексингтон пригубил виски с водой; в этот момент к ним подошел Арон Голд, главный почтмейстер и единственный еврей в кабинете министров.

— У меня ноги подкашиваются, — объявил он, обращаясь к Лексингтону. — Не могли бы вы намекнуть его превосходительству премьер-министру, чтобы он, ради бога, сел? Тогда и мы все сможем облегчить наши ноги.

— Вот уж никогда не замечал, что вы спешите есть, Арон, — с улыбкой произнес Артур Лексингтон. — Во всяком случае, судя по вашим речам.

Это услышал стоявший неподалеку Стюарт Каустон и крикнул:

— Отчего это у вас ноги устали, Арон? Разносили почту к Рождеству?

— Ну конечно, меня окружают юмористы, — мрачно произнес главный почтмейстер, — тогда как мне нужно проявление нежности.

— Насколько я понимаю, это у вас уже есть, — заметил Хоуден. «Совершенно идиотская полифония, — подумал он. — Комедийный диалог на репетиции «Макбета». Впрочем, возможно, это необходимо. Проблемы, которые внезапно возникли, затрагивают самое существование Канады и достаточно серьезны». Сколько людей в этой комнате, кроме его самого и Лексингтона, имели хотя бы малейшее представление о том... Теперь окружавшие его и Лексингтона люди отошли.

И Артур Лексингтон тихо произнес:

— Я говорил с Энгри насчет сообщения о встрече, и он снова звонил в Госдепартамент. Там сказали, что президент просил на данное время не делать никаких сообщений. Они, похоже, считают, что, если мы объявим об этом так скоро после российской ноты, возникнут явные сопоставления.

— Я не вижу в этом большого вреда, — сказал Хоуден. Его лицо с орлиным профилем было задумчиво. — Все равно придется скоро объявить об этом. Но если президент так хочет...

А вокруг них звенели бокалы, шли разговоры. «...я похудела на четырнадцать фунтов, а потом обнаружила эту божественную кондитерскую. Теперь все вернулось...» «...объяснила, что я не видела красный свет, так как спешила на встречу с мужем, членом кабинета министров...» «...вот что я скажу про «Таймс»: у них интересны даже искажения...» «...право же, обитатели Торонто стали нынче невыносимы — у них словно несварение желудка от культуры...» «...так что я сказал ему: если мы хотим иметь дурацкие законы насчет спиртно-

го, — это наше дело, в общем, вы только попробуйте воспользоваться телефоном в Лондоне...» «...по-моему, обитатели Тибета презабавны — они очень похожи на обитателей пещер...» «...а вы не заметили, что из универмага быстрее присылают чеки? Вы считаете, что у вас есть две недели...» «...нам следовало остановить Гитлера на Рейне и Хрущева в Будапеште...» «...не ошибитесь: если бы мужчины беременели, было бы куда меньше... благодарю, джин с тоником...»

— Когда мы объявим о встрече, — сказал Лексингтон, понизив голос, — мы скажем, что это встреча для разговоров о торговле.

— Да, — согласился с ним Хоуден. — Я полагаю, это самое лучшее.

— Когда вы сообщите об этом кабинету?

— Я еще не решил. Я подумал, что, пожалуй, прежде надо сообщить Комитету по обороне. Я хотел бы услышать несколько мнений. — Хоуден мрачно улыбнулся. — Не все так лихо разбираются в международной политике, как вы, Артур.

— Что ж, я полагаю, у меня есть некоторые преимущества. — Лексингтон помолчал, некрасивое лицо его было задумчиво, в глазах отражался вопрос. — В любом случае к этой идее не сразу привыкнешь.

— Да, — сказал Джеймс Хоуден, — я этого ожидаю.

И они разошлись. Премьер-министр присоединился к группе, окружавшей генерал-губернатора. Его превосходительство сказал несколько слов сожаления министру, чей отец умер неделю назад. Подойдя к другому члену кабинета, он поздравил его с тем, что его дочь получила академическую награду. «Старик хорошо держится, — подумал Хоуден, — с должным равновесием любезности и достоинства, не нажимая ни на то ни на другое».

Джеймс Хоуден задумался: интересно, сколько времени продлится в Канаде культ королей, королев и королевского представителя. Со временем страна, безусловно, отделится от британской монархии, точно так же как несколько лет назад она сбросила с себя бремя правления британского парламента. Королевские ритуалы — нелепый протокол, золоченые